

УДК 902/904

ОБ ОДНОМ СЮЖЕТЕ ПЕЧНОГО ИЗРАЗЦА XVI ВЕКА ИЗ ГЛУБОКОГО¹

д-р ист. наук, проф. Д.В. ДУК
(Полоцкий государственный университет)

Приводится трактовка уникального сюжета белорусского декоративного искусства XVI века, отображенного на фрагменте печного изразца из города Глубокое Витебской области. Сделан вывод, что белорусский ремесленник изобразил библейский сюжет грехопадения, один из семи смертных грехов – сладострастие. Изображение выполнено в традициях европейского ренессанса и маньеризма и имеет аналогии в композиционном и изобразительном приемах с гравюрой «Сладострастие» известного нидерландского художника Питера Брейгеля Старшего (1556–1577 гг.).

Ключевые слова: стеной изразец, белорусская художественная пластика XVI века, гравюра.

Введение. Изразец с сюжетным изображением был случайно обнаружен в г. Глубокое Витебской области во время земляных работ. В настоящее время артефакт хранится в Государственном учреждении культуры «Глубокский историко-этнографический музей», инвентарный номер: кп (книга поступлений) – 012459, А156. Артефакт был предоставлен на экспертизу в Полоцкий государственный университет с согласия директора глубокского музея Ольги Петровны Солонинко.

Описание артефакта. Представлен фрагмент стеной изразца. Размер фрагмента 9 × 12,3 см (рис. 1, 2). Толщина пластины: максимальная – 0,6 см, средняя – 0,4 см. Поверхность пластины слегка выгнутая. Высота рельефа – до 0,4 см. Снаружи изделие покрыто темно-красной глазурью. На поверхности глазури имеется патина. С оборотной стороны пластины обнаружены следы копоти.

Рисунок 1. – Фотография фрагмента изразца из Глубокого

Рисунок 2. – Графическая прорисовка фрагмента изразца из Глубокого

Типология и хронология. Артефакт принадлежит к типу стеной изразцов, использовавшихся в камерных печах. На изразце нанесена редкая для того времени и дорогая глазурь красного цветового диапазона. Наличие рамки с отступом, стилистика изображений, небольшой размер пластины и ее форма (квадрат сторонами не более 15 см) позволяют уверенно отнести его к группе изделий второй половины XVI – начала XVII в. [4, с. 57–68]. Более вероятный промежуток времени – рубеж XVI–XVII вв. – можно определить исходя из следующего аргумента: военные действия на Полотчине в 1563–1579 гг. и сопутствующий им упадок ремесленного производства вряд ли способствовал изготовлению изразца в данный период.

¹ Работа выполнена в рамках задания Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований по теме «Военные конфликты XV – XX вв. на белорусских землях и их влияние на формирование идентичности населения (на примере Полоцкого региона)» № Г17Р-032.

Интерпретация сюжета. Собственно, сюжет изображения на изразце представляет главный интерес. Сразу отметим, что прямых аналогий ни в белорусском изразцовом искусстве, ни в западноевропейском не выявлено. На изразце в центре изображены две антропоморфные фигуры, одна из которых обнимает другую. Фигуры изображены в профиль, а вот лица развернуты к зрителю. Фигуры изображены стилизованно, однако заметно, что первая фигура имеет хвост, вторая как бы приседает на первую и соприкасается с ней в районе таза. Под ногами персонажей располагается геометрический орнамент, сверху располагается фрагмент третьей антропоморфной фигуры, также расположенной в профиль.

Как было отмечено, прямых аналогий изображению не выявлено, однако ряд признаков позволяет с уверенностью трактовать сюжет.

На изразце изображена аллегория на библейский сюжет о семи смертных грехах, в данном случае – сюжет «сладострастия». Фигура с хвостом – это изображение дьявола, который соблазнил свою жертву. Данный сюжет был характерен для западноевропейского искусства второй половины XVI века, и, в частности, запечатлен на гравюре «Сладострастие» известного нидерландского художника Питера Брейгеля Старшего (1556–1557 гг.) (рис. 3). В центре картины Питера Брейгеля изображен дьявол, который соблазнил женщину. Как и на изображении глубоцкого изразца, на гравюре Брейгеля женщина восседает на коленях у дьявола, сам же дьявол изображен с хвостом, в головном уборе и накидке, тело дьявола с человеческими пропорциями, но имеет зооморфные черты. Третья фигура на изразце, помещенная над сладострастной парой, вероятно, является свидетелем грехопадения из числа Божьего посланца, символизирующая последующее небесное возмездие.

Аналогий данному изображению ни в белорусской традиции, ни в традиции декоративного искусства Полоцкого региона (в широком историко-географическом контексте и хронологическом контексте) нет. Следует отметить, что сюжетные изображения в XVI веке на территории Полотчины единичны. К их числу можно отнести опять-таки сюжеты полоцких изразцов, керамических сосудов, но и они крайне немногочисленны. Тем не менее определенное сходство в стилизации антропоморфных образов все же имеется, достаточно вспомнить изображение рыцаря, русалки, скоморохов и Девы Марии с Младенцем на полоцких изразцах первой половины XVI века [2, с. 197, мал. 92: 1; 3, с. 53–55]. В местной (славянской) традиции дьявол всегда изображался с хвостом, о чем свидетельствуют его изображения на фресках XII в. из Спасо-Преображенской церкви в Полоцке [6, с. 233]. Восточнохристианская традиция практически не знает рогатой нечисти, в отличие от латинской традиции [4, с. 227–228], поэтому изображение «нерогатого» дьявола на глубоцком изразце вполне закономерно.

Сюжетные изразцы в целом в белорусском изразцовом искусстве достаточно редкое явление. Каждый изразец с сюжетным изображением изготавливался под конкретного заказчика и в печном наборе мог присутствовать если не в единственном экземпляре, то в весьма незначительном количестве. Редкая красная эмаль являлась очень дорогой, поэтому изразцы с такой глазурью также встречались нечасто. Можно предположить, что столь смелый для восточнославянского искусства сюжет мог появиться на территории Белорусского Подвинья под влиянием значительного количества выходцев из Центральной и Западной Европы, которые появились на территории региона в составе армии великого князя литовского и короля Речи Посполитой Стефана Батория. На примере Полоцка можно отметить, что именно вследствие Ливонской войны активизировались контакты с западноевропейским регионом, что нашло отражение в появлении целого спектра новаций в декоративном искусстве региона, а также в появлении новых технологий ремесленного производства.

Ремесленное производство на Полотчине в период Ливонской войны не могло активно развиваться. Напомним, что Глубокое было втянуто в театр боевых действий летом 1563 года и наиболее пострадало от войны именно в этот год [8, с. 81]. К 1579 году все пространство от Полоцка до Постав, включая, соответственно, Глубокое и его окрестности, было по-прежнему опустошено войсками Ивана Грозного [1, с. 62]. Во время похода Стефана Батория на Полоцк в 1579 году в составе его армии находились, помимо собственно войск ВКЛ (в их число входили и воины из разных частей княжества – Подолья и иных «пограничных областей королевства»), полки венгров, поляков, немцев [1, с. 54–55]. Так что «интернационализация» уклада жизни коснулась Полотчины в конце XVI века более чем непосредственно. Именно тогда Полотчину как обособленный регион ВКЛ со своими уникальными традициями и укладами открыли для себя многие выходцы из Центральной Европы, среди которых был и немец Пауль Одеборн, создавший очерк истории повседневности [5]. По освобождению Полоцка в городе был основан иезуитский коллегиум, который вскоре стал своего рода проводником новаций не только в образовании, но и в технологиях строительства, ремесле [7, с. 16, 92–93], впоследствии внесший значительный вклад в подготовку инженеров по ряду направлений.

Рисунок 3. – Гравюра нидерландского художника Питера Брейгеля Старшего «Сладострастие»

Выводы. Обнаруженная в Глубоком случайная находка является исключительно редким образцом белорусской художественной пластики XVI века, в котором отразился библейский сюжет грехопадения, а именно – один из семи смертных грехов – сладострастие. Изображение выполнено в традициях европейского ренессанса и маньеризма, но отражает все приметы местной ремесленной школы как в стилизации изображения, так и в технологии изготовления изразца. Наиболее вероятно, что знакомство глубокого ремесленника с особенностями передачи абсолютно незнакомого для белорусского изразцового искусства сюжета произошло непосредственно вследствие Ливонской войны (восстановление городов Полоцкого региона и активизация контактов с выходцами из Центральной и Западной Европы). Технологические признаки изготовления изразца, подробно рассмотренные в статье, также подтверждают датировку изразца концом XVI века.

Автор выражает искреннюю благодарность директору глубокого музея Ольге Петровне Солонинко за возможность провести экспертизу артефакта в Полоцком государственном университете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гейденштейн, Р. Записки о Московской войне (1578–1582) / Р. Гейденштейн. – СПб. : Издание археографической комиссии, 1889. – 309 с. [указатели – 27 с.].
2. Дук, Д.У. Археалагічныя комплексы пасадаў Полацка IX–XVIII стст. (па выніках раскопак 2004–2012 гг.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – 248 с.
3. Дук, Д.У. Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жылцёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2007. – 268 с. : іл.
4. Лесман, Ю.М. Ното pudus в Полоцком княжестве / Ю.М. Лесман // Гісторыя і археалогія Полацка і полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнар. навук. канф., 1–3 лістапада 2012 г. : у 2 ч. – Полацк : НПП КМЗ, 2013. – Ч. 1. – С. 221–233.
5. Сагановіч, Г.М. Паўночная Беларусь у апісанні Паўля Одэборна / Г.М. Сагановіч // БГА. – 2005. – Т. 12, Сп. 1–2 (22–23). – С. 162–189.
6. Сарабьянов, В.Д. Спасская церковь Евфросиниевского монастыря в Полоцке / В.Д. Сарабьянов. – 3-е изд. – Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2016. – 516 с. : ил.
7. Соловьев, А.А. Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581–1914): архитектурно-археологический очерк / А.А. Соловьев. – Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2012. – 97 с. : ил., XII с. цв. ил.
8. Янушкевич, А.Н. Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570 / А.Н. Янушкевич. – М. : Изд-во Квадрига ; Русская панорама, 2013. – 384 с.

Поступила 09.03.2017

ABOUT THE STORY OF STOVE TILE DATED FROM XVIth CENTURY FROM GLUBOKOE

D. DUK

The unique story of Belorussian decorative art of XVIth century is given. The investigation appeared to be possible thanks to the discovery of the fragment of stove tile during excavation works. We made a conclusion that Belorussian craftsman depicted Biblical story of the Fall, the manifestation of which is embodied in one of the seven deadly sins – voluptuousness. The image is made in the traditions of the European Renaissance and Mannerism and has analogies with engraving "Voluptuousness" of the famous Dutch artist Pieter Bruegel the Elder (1556-1557).

Keywords: wall vase, Belarusian artistic plastic of the 16th century, engraving.